

Японские исследования. 2020. № 2. С. 46–62.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 46–62.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

Кони Закона, всадники судьбы: мотив верховой езды в японской части «Собрания стародавних повестей»

Н.Н. Трубникова, М.С. Коляда

Аннотация. В статье рассмотрены рассказы о конях и всадниках из «Собрания стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю:*», 1120-е годы). В японской части собрания верховая езда служит одним из сквозных мотивов, объединяющих рассказы на буддийские и мирские темы. Можно выделить шесть основных контекстов, в которых обсуждается эта тема. 1) Чудесный или просто необычный конь принадлежит человеку с особой судьбой, с задатками правителя, хотя и не всегда эти задатки удаётся раскрыть. 2) Конь сопутствует человеку не только в дурных делах, таких как охота и война, но и в добрых, например, помогает найти святое место для будущего храма. 3) Страсть к лошадям может толкнуть человека на преступление, но кто умеет с нею совладать, тому сопутствует успех. 4) Искусство верховой езды может ввести и наездника, и зрителя в своего рода «опьянение» сродни безумию, и против него бессилён даже строгий церемониал соревнований; впрочем, порой люди и из поражения на состязаниях извлекают для себя выгоду. 5) Встреча конного и пешего на дороге – непростой случай с точки зрения этикета, и нередко в таких случаях люди невольно раскрывают, как на самом деле относятся к ближним. 6) Родиться конём – незавидная участь, коль скоро лошади, как и прочие животные, страдают тяжелее, чем люди, но близость к человеку позволяет коню услышать слова буддийских наставлений и обрести лучшее рождение. Человеческая привязанность к лошадям оказывается благотворной для лошадей, для их будущей судьбы по закону воздаяния, а значит, и людям позволяет помочь животным. Так связи между рассказами в «*Кондзяку*» не просто работают на целостность повествования, но и выражают главную мысль книги: всеобщая связь событий в мире устроена так, что обыденная жизнь задаёт условия для того, чтобы двигаться к освобождению и милосердно заботиться о ближних.

Ключевые слова: культура Японии, японская литература, буддизм, рассказы сэцува, «Собрание стародавних повестей», лошади, верховая езда.

Авторы:

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82); профессор, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Коляда Мария Сергеевна, научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). E-mail: warriormary@yandex.ru

Dharma Horses and Karma of Equestrian: Horseback Riding Motif in *Konjaku monogatari shū* (*Honchō* Part)

N.N. Trubnikova, M.S. Kolyada

Abstract. The article discusses the stories about horses and riders from *Konjaku monogatari shū* (1120s). In the *Honchō* part of the collection, horseback riding is one of the cross-cutting motives uniting stories on Buddhist and secular themes. There are six main contexts in which this topic is discussed. 1) A wonderful or simply unusual horse belongs to a person with a special fate, with the features of a ruler, although it is not always possible to reveal these features. 2) A horse accompanies a person not only in bad deeds, such as hunting and war, but also in good ones, for example, helps to find a sacred place for a temple. 3) Passion for horses can push a person to crime, but one who knows how to cope with it succeeds. 4) The art of riding can introduce both the rider and the spectator into a kind of “intoxication”, *yoi*, akin to madness, and even strict competition ceremonial is powerless against it; however, sometimes people benefit even from their defeat in competitions. 5) The meeting of a horseman and a pedestrian on the road is a difficult case in terms of etiquette, and often in such cases people unwittingly reveal how they really relate to their fellows. 6) To be born a horse is an unenviable fate, since horses, like other animals, suffer harder than people, but being close to a human allows a horse to hear the words of Buddhist teachings and acquire a better rebirth. Human attachment to horses turns out to be beneficial for horses and for their future fate according to the law of retribution, and, therefore, allows people to help animals. So the connections between the stories in *Konjaku* not only contribute to the integrity of the narrative, but also express the main idea of the book: the universal connection of events in the world is designed so that everyday life sets the conditions for moving towards liberation and mercifully caring for others.

Keywords: Japanese culture, Japanese literature, Buddhism, *setsuwa* short stories, “A Collection of Ancient Tales”, horses, horseback riding.

Authors:

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation); Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (address: GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Kolyada Maria S., Researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: warriormary@yandex.ru

Лошадь в культуре Японии – тема весьма обширная. Не пытаюсь очертить её в целом, скажем только, что обсуждают её чаще применительно или к древности (вопрос о появлении лошадей на Японских островах¹), или к традиции *синто*: (кони и всадники в мифах, кони

¹ Так, «теория всадников» связывает само возникновение государственности Ямато с вторжением с материка племени всадников, предположительно, в конце III в. или на рубеже IV–V вв. Согласно другой гипотезе, с искусством верховой езды японцы познакомились в начале V в. в пору походов на Корейский полуостров [Friday, 1992, 35]. Имеются, однако, археологические доказательства выращивания лошадей ещё в эпоху Дзёмон [Горбылев, 2003, 37]. Изображения лошадей со сбруей обнаруживаются среди глиняной погребальной скульптуры *ханива*. А многие фигурки *ханива*-воинов облачены в доспехи типа *кэйко*, характерные для кавалерии, а не пехоты [Friday, 1992, 36].

в святилищах²), или к японской воинской традиции (верховая езда как одно из искусств, необходимых воину) [Горбылёв, 2003].

О глубокой связи между конём и всадником говорится в песнях «Собрания мириад листьев» («Мангё:сю:», VIII в.)³, так или иначе о лошадях и верховой езде заходит речь в памятниках разных литературных жанров, в основном в связи с путешествиями или военными походами. В настоящей статье мы постараемся показать, как эта тема разворачивается в рассказах *сэцува* эпохи Хэйан и как она соотносится с буддийскими наставлениями.

Как и в других сборниках поучительных историй *сэцува*, в «Собрании стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю:», 1120-е гг.) отдельные рассказы объединяются в целостное повествование не только общей идеей книги – скажем, неизбежностью воздаяния счастьем за добро и горем за зло, – но и мотивами, которые проходят через все разделы, задают переключку между рассказами на далёкие друг от друга темы⁴. Среди таких сквозных мотивов в «Кондзяку» – всадник и его конь, верховая езда как особая область жизни и как одна из человеческих страстей.

В отличие от более поздних сборников, составленных в эпоху Камакура, «Кондзяку» не имеет раздела, специально посвящённого всадникам (как в «Кокон тёмондзю:») или подраздела, отведённого им, как в «Сясэкисю:», где в свитке VIII-м среди примеров людской глупости появляется целая серия историй о том, как наездники не умеют управляться с лошадьми и вести себя на дороге. При этом в «Кондзяку» упоминания о всадниках, конях, путешествиях верхом очень часты; особенность этого собрания в том, что здесь интерьерные сцены (во дворце, в храмах, в усадьбах) далеко не преобладают.

Именно эту готовность рассказчиков пуститься в путь вместе с героями, глаза по сторонам, в «Кондзяку» и ценят исследователи. Картина японского быта здесь куда более многомерна и динамична, чем в большинстве книг эпохи Хэйан. Верховом в «Кондзяку» ездят знатные господа, дамы, монахи, жрецы, простые люди. Немалую часть жизни в седле проводят воины: в рассказе 25–3⁵ подробно описан конный поединок, в рассказе 25–5 мы видим конницу в походе, а в других рассказах 25-го свитка – сведения о том, как выбирали боевых коней, снаряжали их и т.п. На охоту также ездят верхом (27–34, 29–27 и др.). Не слезая с седла, герои «Кондзяку» беседуют, знакомятся, прощаются навсегда; читают (монах в рассказе 15–39), играют на барабанах и флейтах (музыканты в рассказе 28–7); на коне можно ускакать от демона, оборотня и привидения (27–13, 27–43). Связь коня и человека обусловлена делами прежних жизней; в рассказе 19–3 монах говорит службе: «Разве в прежних жизнях не родился этот конь твоим отцом, матерью твоею, снова и снова? А ты

² В «Анналах Японии» («Нихон сёки», 720 г.) лошади – как и коровы, а также злаки и другие полезные растения – появляются из головы умершего божества Укэмоти-но ками. Конь Сусаноо-но микото упоминается в рассказе о бесчинствах этого буйного бога, а в толкованиях говорится, что пустить коня на чужое поле означало также навести порчу.

³ Например, у Фудзивара-но Фусасаки (№ 1192): «Конь совсем мой не шагает: || Верно, дома ты тоскуешь обо мне!» (пер. А.Е. Глускиной). Другие примеры – № 1191, 365.

⁴ Для публикации избранных рассказов «Кондзяку» исследователи нередко отбирают истории по тематическому принципу. Примеры подборок на темы «человек и природа», «люди и животные» см. [Konjaku, 2015; Konjaku, 2017].

⁵ Здесь и ниже в ссылках на «Кондзяку» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нём. Всего в собрании насчитывается 31 свиток, из них 8-й, 18-й и 21-й не сохранились. Мы пользуемся изданиями [Кондзяку 1993–1999; Кондзяку 2018 web].

думаешь: раз сейчас он тебе не отец и не мать, так можно его погонять, как тебе вздумается? <...> Из любви к тебе, к своему дитяти, принял он такое тело. Ему очень тяжело, есть хочется, увидел зелёные травы <...> – вот и не смог пройти мимо, хотел отведать – а ты его ударил! И мне, старому монаху, он был отцом и матерью неведомо сколько раз, и хоть я его почитаю – но стар я годами, вставать и садиться тяжело, <...> приходится ехать верхом. Что же, если по дороге попадутся травы и конь поест – разве должен я ему мешать, гнать вперёд?». Когда счастье изменяет воину, его подводит и навык наездника: «И лошадь его не скакала, и рука не слушалась», – как сказано о мятежнике Х в. Тайра-но Масакадо в рассказе 25–1. Гулкий стук копыт, ржанье лошадей – звуки, которые в «Кондзяку» слышны постоянно, фоном. Но есть среди рассказов и такие, где тема коня, всадника, искусства верховой езды выходит на первый план. Их мы и обсудим.

Кони правителей

Меру значимости взаимоотношений наездника с конём в «Кондзяку» задаёт рассказ 1–4 из индийской части, где появляются конь и конюший самого Будды Сякамуни (Шакьямуни). Если следовать этому преданию, то каждый всадник, кто доверяется своему коню, смотрит на него с благодарностью и сочувствием, уподобляется Будде. Для рассказчиков «Кондзяку» связь историй о всадниках с легендой о Сякамуни – один из способов показать, что обыденная жизнь – самая подходящая среда для того, чтобы пройти буддийский путь. Говоря о конях знатных особ, повествователи отсылают также к буддийскому учению о праведном правителе 輪王, *Ринно*., он же *чакравартин*, «вращатель колеса Дхармы», с его семью сокровищами, среди которых – верный конь⁶. В японской части «Кондзяку» в первом же рассказе буддийского раздела чудесный конь появляется как спутник царевича Сё:току-тайси (трад. 574–622), легендарного первого законодателя и основателя японского буддизма:

... у царевича был конь, присланный в дар из края Каи, – вороной, а все четыре ноги белые. Верхом на нём царевич как-то раз взлетел в небо, углубился в облака, полетел на восток и исчез из виду. Слуга по имени Цукаимаро шагал справа от коня царевича и тоже улетел. Все, кто видел это, смотрели в небо и ахали без конца. А царевич добрался до края Синано, облетел вокруг горы Микоси и через три дня вернулся (11–1).

Отметим, что здесь царевича, как и Будду, сопровождает конюший, и он даже назван по имени. Вообще в традиции почитания царевича Сё:току 太子信仰, *Тайси синко*., летучий конь упоминается сравнительно редко (хотя почти во всех версиях говорится, что царевич был рождён у дверей конюшни, отсюда одно из его имён – Умаядо). В «Кондзяку» на коне царевич облетает только японские земли, а в Китай путешествует иначе: «в повозке, запряжённой синими драконами, со свитой в пятьсот человек» (11–1).

Царевич едет верхом и тогда, когда встречает у дороги голодного нищего. Этот эпизод входит в большинство версий предания о Сё:току, но в «Анналах Японии» не сказано, как именно путешествовал царевич, а в «Японских легендах о чудесах» («*Нихон рё:ики*», VIII–

⁶ А также колесница, слон, советник, полководец, супруга и драгоценный венец. В «Кондзяку» в рассказах из времён Будды индийский колесничий превращается в конюшего – ближнего слугу, который ведёт коня, когда господин путешествует верхом.

IX вв.) его несут в паланкине. В «Кондзяку» же сказано так: «Конь царевича запнулся и встал. Царевич спешился, побеседовал с голодным, снял своё багряное платье, укрыл его...». Тем самым чудесный конь служит ещё и помощником в делах милосердия. «В день кончины [царевича] вороной конь громко ржал, не пил воды, не щипал травы и пал»; тогда же исчезает священная книга, за которой Сё:току летал в Китай.

Примечательно, кто оказывается следующим чудо-всадником древних времён. В том же 11-м свитке говорится, что у Фудзивара-но Хироцугу (ум. 740) был «конь-дракон; он мог летать по небу <...>. Хироцугу садился на этого коня, за час долетал до государева дворца [в Нара] и за час возвращался в Западные земли [на остров Кюсю]» (11–6). Главный герой этого рассказа – монах Гэмбо: (ум. 746), который много лет провёл в Китае, а по возвращении забрал в свои руки непомерную власть при японском дворе. Хироцугу собирает войско, восстаёт против Гэмбо: и терпит поражение. «Тогда Хироцугу выехал на берег моря на коне-драконе и поплыл по волнам в сторону Кореи. Взлететь, как раньше, конь-дракон не смог. Тут Хироцугу понял: увы, войско моё полегло! – вместе с конём ушёл под воду и погиб⁷.» После смерти мятежный Хироцугу возвращается как призрак (уже без коня) и убивает Гэмбо:, взлетев с ним в воздух и сбросив с высоты. Отметим, что летучий конь может оказаться и на стороне защитников государева закона и Закона Будды, и на стороне бунтовщиков, точно так же, как, например, древесные божества в том же 11-м свитке то помогают строить храмы, то мешают. Подобная неоднозначность чудес в целом характерна для «Кондзяку».

Другой наездник из рода Фудзивара появится в свитке 22-м, с которого начинается мирской раздел японской части «Кондзяку». В этом свитке вначале рассказано о Каматари, основателе рода Фудзивара, затем перечислены первые поколения рода (Хироцугу, правнук Каматари, не упомянут), а далее следует рассказ о талантливом и добродетельном министре Фудзивара-но Утимаро: (756–812), праправнуке Каматари.

Когда этот министр был ещё молод, среди принцев был Осабэ-но мия [756–812], сын государя Сиракабэ [Ко:нин, прав. 770–781]. Этот человек имел яростное сердце и внушал людям страх.

А был в то время один норовистый конь. Кто пытался его оседлать, того он непременно затапывал. Так что никто не решался на нём ездить.

И вот однажды принц Осабэ приказал Утимаро: оседлать этого коня. Люди пришли в ужас, увидев, как Утимаро: седлает его, говорили:

– Конь точно затапчет Утимаро:! Наверняка покалечит!

Так они думали и все его жалели, Утимаро: тем временем взобрался на коня – а тот повесил голову и не двигался. Утимаро: сидел на нём, как ни в чём не бывало. Потом снова и снова хлестал коня кнутом, но тот его так и не скинул. Несколько раз объехав двор, Утимаро: спешился.

Люди, кто это видел и слышал, хвалили Утимаро:, думали: это человек не как все! (22–4).

⁷ Возможно, здесь, как и в рассказе 11–1, даже летучий конь не годится для полёта за море, в другую страну. Но вероятнее, что чудесный дар иссякает из-за злых деяний Хироцугу, пошедшего против воли государя, пусть даже его возмущение было вполне справедливо. В отличие от рассказа о коне Сё:току, предание о коне Хироцугу широко известно, этого мятежника обычно изображают верхом на коне в морских волнах.

История с норовистым конём сама по себе могла бы выглядеть бытовым эпизодом среди сухих генеалогических выкладок. В то же время это и повествование о человеческом таланте: в ряду выдающихся потомков Каматари министр Утимаро:, помимо прочего, обладает талантом в обращении с лошадьми, а это – искусство не хуже других. Также эта история отсылает к рассказу 22–1, где говорится о взаимоотношениях основателя рода с принцем, будущим государем Тэнти (прав. 661–672): не дожидаясь приказа, Каматари во время игры в мяч подаёт принцу слетевшую с ноги туфлю, показывая тем самым глубину своей преданности⁸. Но, помимо этого, история Утимаро: перекликается и с рассказами 11–1 и 11–6. Хотя у Утимаро:, в отличие от Сё:току, конь не чудесный, а просто непокорный, коль скоро герой управился с ним – значит, доказал свои необычайные способности, а не только верность. Этот случай в «*Кондзяку*» даёт одно из подтверждений тому, что у семьи Фудзивара – особая судьба, судьба не правителей, но ближайших советников государей (каким был Сё:току и мог бы стать Хироцугу, если бы не происки Гэмбо: и не собственный его мятежный нрав).

Замечательный, пусть и не чудесный конь, может пониматься как знак счастливой судьбы не только для властителя, но и для воина.

[Дозорный наблюдает с башни и докладывает господину]

– ...По главной дороге движется войско человек в сто, едут на прекрасных лошадях, мчатся мимо, словно летят. Среди них я видел мужа, превосходящего прочих, он едет на большом пегом коне, одет в бледно-жёлтые одежды поверх тёмно-голубого *ао*, на нём узорчатая тростниковая шляпа и накладки [*мукабаки*] из летней шкуры оленя.

[Господин отвечает:]

– Это, наверное, Ёго. Это ему принадлежал большой пегий. Я слышал, превосходный конь! Если Ёго атакует на этом коне, кто сможет ему сопротивляться? (25–5)

Из рассказа в целом видно, что хороший конь, как и лук, и даже сильное войско – далеко не главное условие победы: куда важнее хитроумие, правильная стратегия. Но то, что воин сможет победить, окружающие видят в том числе и по тому, каков его конь. Примечательно и то, что в этой истории господин хорошо знает, как выглядит конь другого знаменитого воина. Описание коня будет и в дальнейшем для воинов важной частью описания человека наряду с другими узнаваемыми приметами, такими как расцветка доспеха⁹.

⁸ Можно сказать, что в рассказе об Утимаро: принц совмещает две роли, которые в рассказе о Каматари принадлежат разным людям: господин, кому предан человек из рода Фудзивара, и насмешник-антагонист (для Каматари это злодей Сога-но Ирука, грубо отбросивший туфлю принца).

⁹ И в эпоху Хэйан, и позже, во времена камакурского сёгуната, знатный воин был прежде всего конным лучником, его мог сопровождать конный или пеший отряд. Кони были постоянными спутниками воинов; можно вспомнить рассказ из сборника «Беседы о делах старины» («*Кодзидан*», начало XIII в.), где воин Фудзивара-но Тадафуми страдает бессонницей и просит привести коня, чтобы ночью слушать, как тот жуёт сено [Синтю: Кодзидан, 2005, 213]. Рассказ, может быть, и ироничен, но Тадафуми изображён как человек, для которого быть рядом с конём – самое привычное и приятное состояние.

Кони и святые места

Вернёмся к свитку 11-му. Во второй его половине мотив чудесных путешествий получает новый поворот: кони нужны не только для быстрых перемещений по стране, но и для поиска святых мест. Так, в рассказе 11–30 царевич, живший в пору правления государя Тэнти¹⁰, большой любитель охоты, верхом гонится за оленем вверх по склону горы:

Олень убегает к востоку, царевич следит за оленьим хвостом, на скаку упёрся в стремя, натянул уже лук – и тут олень вдруг исчез. <...> А впереди высокий обрыв, оттуда олень и упал. Конь несётся, едва не сорвался в пропасть следом за оленем – но всеми четырьмя ногами вскочил на узкий уступ скалы и удержался. А развернуться коню негде. Царевич пробует спешиться – под самым стремнем глубокое ущелье, встать некуда. <...>

Тогда царевич в отчаянии молвит:

– Если обитаете вы здесь, горные боги, то спасите наши жизни! Если поможете нам, то в этой вот скале я для вас изваяю образ Мироку!

Такой он дал обет, и тотчас же конь под ним попятился и выбрался туда, где место пошире. Тогда царевич спешился, в слезах поклонился, и чтобы потом найти это место, снял свою соломенную шляпу и оставил там для приметы. А сам уехал.

Вернувшись туда снова, царевич основал Касаги-дэра 笠置寺, Храм Оставленной Шляпы, и боги помогли ему изваять образ будущего будды Мироку (Майтрейи). Здесь проводником служит, собственно, олень (вестник Будды во многих текстах), конь и всадник лишь следуют за ним. Иначе построен рассказ 11–35, где действует Фудзивара-но Исэndo (Исэбито, 759–827), ещё один праправнук Каматари. Он по приказу государя занимается делами строительства храма То-дайдзи в городе Нара (тогдашней столице) и сожалеет, что до сих пор не основал собственного храма. Исэndo молится, чтобы ему было указано подходящее место, и во сне видит две прекрасных горных вершины, ущелье, реку и старца. Этот старец – бог, хранитель гор, он благословляет строительство. Однако проснувшись, Исэndo не понимает, где искать те две горы.

А у Исэndo был белый конь, на нём чиновник ездил много лет. И вот однажды Исэndo заседлал коня и шепнул ему:

– Я слышал, в старину, когда Закон Будды был передан из Индии в Китай, доверен он был белому коню. А потому, если мой обет не окажется напрасным, а исполнится, ты непременно придёшь в то место, что я видел во сне.

Прошептал это и отпустил коня. Конь ускакал из усадьбы и скрылся из виду. А Исэndo думает: если обет мой верен, конь непременно придёт к тому месту, что я видел во сне!

Исэndo взял с собой всего одного свитского, пошёл по следам коня – и так они пришли к месту, виденному во сне. Поднимаются вдоль ущелья – видят много следов от копыт. Вскоре взобрались на гору – а там стоит конь, обратившись головою к северу.

¹⁰ Неясно, идёт ли речь о брате Тэнти, будущем государе Тэмму (прав. 673–686) или же о сыне Тэнти, будущем государе Кобун (прав. 672). Версию, что это был Тэмму, поддерживают «Предания храма Касаги» («Касагидэра-энги», XV в.).

Слова Исэndo отсылают к широко известному преданию: впервые книги буддийского канона были доставлены в Китай на белом коне, и в честь этого события назвали Баймасы 白馬寺, храм Белого Коня в Лояне (в «*Кондзяку*» об этом говорится в рассказе 6–2). Японский же храм получил название Курама-дэра 鞍馬寺, храм Коня под Седлом. Кроме святого места, конь в этом рассказе указывает путь и к будущей столице, городу Хэйан (река, виденная во сне, – это столичная Камогава).

Конь может быть проводником человека на пути подвижничества и в переносном смысле слова. Пример тому есть в свитке 16-м, где говорится о чудесах бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвары). Вообще в японских буддийских преданиях конь нередко указывает именно на этого бодхисаттву, чтимого в обличье Бато: 馬頭, Каннон с головой коня – заступника лошадей, всадников, а также всех животных и всех людей, кто заботится о них. В «*Кондзяку*» именно в этом образе бодхисаттва не предстаёт, но в нескольких рассказах о Каннон появляются кони. Такова широко известная история о чуде с травинкой в храме Хасэдэра (здесь это рассказ 16–28). Бедный молодой воин молится Каннон о том, чтобы раздобыть средств на жизнь, и бодхисаттва посылает ему всего одну травинку. Дальше разворачивается сюжет последовательного обмена: из травинки юноша сворачивает ловушку для мух, отдаёт её встречному мальчику и получает взамен три мандарина; мандаринами угощает даму-паломницу, измученную жаждой, и в награду получает свёртки ткани. Затем он видит, как на дороге пал конь какого-то господина – замечательный конь из края Митиноку! – выменивает на ткани конскую тушу, а потом молится, и конь оживает. На коне юноша приезжает в столицу и там отдаёт его человеку, который должен срочно уехать по делам. Тот на радостях уступает юноше участок земли, и теперь у героя есть на что жить самому и помогать другим. Здесь и конь, и всякое другое достояние служат для доброго человека средством приумножить «заслуги» 功德, *кудоку*, а стало быть, и улучшить свою участь; будучи не только милосердным, но и хитроумным, герой рассказа отчасти уподобляется бодхисаттве с его «уловками» 方便, *хо:бэн*.

Но не для всех героев того же свитка конь оказывается преодолимым испытанием. Здесь мы переходим к другой вариации того же мотива: несчастная страсть к лошадям и к верховой езде как разновидность алчности. «Путь лошади» может завести и в ад, если вовремя не одуматься.

Кони и грешные страсти

В рассказе 16–5 уездный начальник в краю Танго заказывает столичному ваятелю статую Каннон. Прекрасное изваяние готово, и заказчик думает: чем же наградить мастера?

Из ценного имущества был у него только конь, вороной пяти или шести лет от роду, ростом в [четыре *сяку* и] восемь [сун]¹¹, с мягкими губами и крепкими ногами. В дороге конь шёл хорошо, скакал резво, ничего не боялся и редко ленился. Все, кто видел того коня, хотели его заполучить, но уездный начальник им безмерно дорожил и много лет держал у себя. Но тут ваятель уж так угодил, что

¹¹ Рост коня в японских текстах этой поры указывают так: сколько *сун* сверх четырёх *сяку*. Здесь получается около 145 см в холке; по меркам эпохи Хэйан, очень крупный конь. Средняя японская лошадь даже в эпоху Камакура была, согласно археологическим данным, около 130 см в холке [Conlan, 2003, 20].

уездный решился: награжу мастера этим конём! Сам вывел коня и подарил. Ваятель весьма обрадовался, заседлал коня и поехал восвояси <...>.

А что же конь? Уездный, глядя на пустую конюшню, где тот стоял, на недоёденное сено, стал горько жалеть и безмерно корить себя, что так поспешно его отдал. И чем больше думает о том, тем меньше готов смириться. Растревожился, разозлился <...> уже не может остановиться. И говорит своему ближнему [свитскому воину]:

– За хорошую работу я подарил мастеру коня, но в том раскаиваюсь, и если хочешь мне помочь, то верни моего коня! Притворись разбойником, застрели ваятеля и непременно возвращайся с конём.

Воин догнал мастера и застрелил, а коня привёл к господину. После этого уездный начальник узнаёт, что мастера почему-то никто не разыскивает, и посылает всё того же воина в столицу разузнать, что да как.

Парень приехал в столицу, с опаской заходит в дом ваятеля. Подворье там устроено вдоль переулка, дом в глубине, а перед ним сливовое дерево. И под деревом привязан тот самый конь! Один или двое слуг хлопочут возле него, а он щиплет траву. Сам же мастер сидит на крыльце и любит им, а конь – краше прежнего.

Видя такое, парень удивился безмерно. Здесь и мастер, кого он застрелил, и конь, которого он вернул. Может, мне всё это чудится? – думает он, застыл на месте. Но и ваятель жив-здоров, и конь тот самый. У свитского всё нутро перевернулось, сердце колотится, но хотя и перепугался, он передал слова уездного начальника. Ваятель отвечает:

– У меня всё по-прежнему. Многие просят уступить им этого коня, предлагают хорошую цену, но конь-то каков! Лучше всех! Я его не продаю, оставил себе.

Парень думает: странно! Поскакал домой, чтобы всё это рассказать господину.

Вернувшись, он узнаёт, что конь у уездного начальника исчез. Как во многих других *сэцува*, здесь в итоге выясняется, что бодхисаттва защитил от гибели невиновного, а грешников – от греха убийства, «заменяв собой» ваятеля (*мигавару*): ту самую стрелу воин и его начальник находят вонзившейся в изваяние Каннон. Оба раскаиваются и уходят в монахи. В рассказе обстоятельно описаны и стати коня, и то, как люди им любят: здесь и рассказчик, и его слушатели/читатели могут примерить на себя страсти героев.

Ещё чаще, чем на убийство, страсть к лошадям толкает людей на воровство. О конокраде, например, говорится в рассказе 25–12. Минамото-но Ёринобу (968–1048), герой нескольких рассказов 25-го, «воинского» свитка, получает в подарок прекрасного коня. Пока коня ведут из восточных краёв в столицу, его замечает конокрад и пробирается следом. В столице сын Ёринобу по имени Ёриёси (988–1075¹²), зная нрав отца, решает: «Этого коня попросит какой-нибудь человек, который того не достоин, ему и отдадут. Пока этого не случилось, пойду взгляну сам, и если конь в самом деле так хорош, – выпрошу себе». Однако отец, не дожидаясь просьбы, сам предлагает коня сыну – и той же ночью,

¹² По другим данным, умер он в 1082 г.

прежде чем воины успели осмотреть коня как следует, конокрад уводит его. Отец и сын, не сговариваясь, отправляются в погоню, скачут порознь, но каждый из двоих знает, что другой неподалёку. Проезжая затопленное поле, вор сбавляет скорость.

Ёринобу это услышал, и, хотя из-за темноты не знал, здесь Ёриёси или нет, прокричал, как если бы они с самого начала договорились обо всём:

– Стреляй, это он! – и прежде, чем он договорил эти слова, раздалось пение тетивы.

Вместо ответа, как и ожидал, он услышал, как ускакал конь. Судя по звуку, человека в стремях не было, и Ёринобу, расслышав это, снова закричал:

– Конокрада ты уже застрелил. Поторопись, скачи туда, забери коня и возвращайся.

И не дожидаясь, пока сын заберет коня и приедет, вернулся домой.

Ёриёси догоняет коня и с ним тоже возвращается. Отец и сын спокойно спят до утра, будто ничего не случилось. Утром Ёринобу опять-таки ни словом не упоминает о ночном приключении, а просто велит вывести коня, чтобы наконец разглядеть его, Ёриёси говорит: «Раз так, возьму, пожалуй», – и забирает себе. Основной упор в рассказе делается на слаженность действий двух воинов, их умение понимать друг друга без слов. Но сдержанность тоже важна: если и хочется заполучить коня, достойный человек не показывает этого¹³.

Другой конокрад появляется в «разбойничьем» 29-м свитке. Этот вор сам способен совладать со своей алчностью. Когда столичный чиновник, хозяин превосходного коня, приходит домой со службы, из-за угла конюшни выглядывает незнакомец и говорит:

– Я вор. Увидел, на каком замечательном рыжем коне вы ездите, а мне как раз завтра надо отправляться на восток <...>, я и подумал: вот бы уехать на таком коне! И решил: украду. Открыл ваши ворота, вошёл, тихонько осмотрелся, а тут из дома вышла здешняя хозяйка. И какой-то мужчина ей говорит: я здесь! Она ему дала длинное копьё и велела залезть на крышу. Точно, они что-то замышляют! (29–13)

Казалось бы, вор мог бы увести коня, пользуясь тем, что хозяина дома нет, а в усадьбе готовится другое преступление, – но не сделал этого. Чиновник проверяет его слова, и действительно, слуги находят на чердаке убийцу: тот в сговоре с хозяйкой собирался пронзить копьём хозяина, когда тот ляжет спать. Чиновник отдаёт коня вору в благодарность за предупреждение, убийцу передаёт в руки стражи, а жену прощает. Рассказчик подытоживает: так человеку спасли жизнь редкостные стати его коня.

Искусство верховой езды

В мирских рассказах есть ещё несколько примеров увлечения лошадьми, в том числе в свитке 28-м, где обсуждаются разные виды «опьянения», *ёи* – не только выпивкой как таковой, но и едой, музыкой, женской красотой и т.п. В рассказе 28–37 некий приезжий воин

¹³ Конь и сбруя нередко служили наградой для воина за боевые подвиги. В этом рассказе Ёринобу не говорит сыну слов похвалы, но в придачу к коню даёт ему ещё и хорошее седло, хотя об этом ранее отец и сын не договаривались.

в столице скачет верхом мимо усадьбы, где живёт после отречения государь Кадзан (прав. 984–986). По невежеству воин не спешил и не поклонился должным образом, государь-монах в гневе: «Что?! Мимо моих ворот?! Проезжал верхом?! Тащите мерзавца на южный двор!». Дальше рассказчик описывает, что Кадзан увидел:

Всадник – лет тридцати, с густой чёрной бородой и немного вытянутым лицом, белокожий, собою статный. На голове соломенная дорожная шляпа, видна из-под неё только нижняя половина лица, но в самом деле, похоже, благородный человек: видно, что с норовом. Под синим кафтаном простая одежда, на ногах поножи из летней шкуры оленя, рыжей с белыми звёздочками, у пояса меч, за спиной чёрный колчан, а в нём две охотничьих стрелы и десятка четыре боевых. <...> На ногах сапоги из кабаньей шкуры, лук в кожаном чехле, конь гнедой, грива острижена, в холке [четыре *сяку*] и пять *сун* [135 см], ноги крепкие, лет ему семь или восемь. Как посмотришь – ах, что за конь! Лучший конь для всадника! Его держат справа и слева, конь горячится, а лук слуги государя-монаха забрали, ещё когда вводили всадника в ворота.

Государь-монах глядит, какой горячий конь, залюбовался, велел провести его по двору по кругу. А конь – на дыбы, упирается! Тогда государь велит: отойдите от стремян и узду отпустите! Слуги все отошли, а конь ещё пуще брыкается! Тут всадник подтянул узду, придержал коня, тот успокоился и поклонился, согнув передние ноги.

Государь восхитился ещё больше: прекрасный наездник! Приказал: верните ему лук! Лук передали, всадник его принял, взял под мышку, а сам всё гарцует. У ворот люди собрались толпой, глазают на него и шумят безмерно.

И вот, всадник объехал двор по кругу, поворотил коня к воротам и послал вперёд. Тот словно полетел прочь со двора! Толпа у ворот разом шарахнулась – кто падает, кто разбегается, чтоб не угодить под копыта, а кое-кто и угодил.

Всадник выехал в ворота <...> и исчез, будто улетел. Государевы слуги за ним погнались было, но скачет он быстро, не догонишь! Так и не поняли, куда ускакал. А государь-монах <...> хотя сильно гневался, разыскивать всадника не стал.

Из других источников, в частности, из «Великого зеркала» («*Оокагами*», XI в.) государь Кадзан известен как выдающийся поэт, подвижник и чудотворец, и при этом большой чудака. В «*Кондзяку*» мы видим, что даже отрёкшийся государь может быть страстным лошадиником, хотя самому ему конь уже ни к чему: если он и желал бы стать праведным правителем в буддийском смысле слова, эти мечты уже в прошлом.

Как и прочие виды мастерства, искусство наездника имеет в эпоху Хэйан принятые ритуализованные формы представления. Это могут быть заезды на ристалище Правой ближней стражи 右近の馬場, Укон-но баба, к северу от столицы. А кроме того, лучших коней, снаряжение и наряды для верховой езды всадники показывают на выставках-соревнованиях *кусаавасэ* наряду с другими редкостями. Как и на поэтических турнирах *утаавасэ*, участники при этом делятся на команды Левых и Правых. В рассказе 28–35 описано одно из таких состязаний в начале XI в. Левые выставляют Кинтада, одного из лучших государевых телохранителей, блестящего наездника:

Одет великолепно, конь отличный, седло богато отделано. Воистину, глядеть на него – одно удовольствие!

Он по кругу объехал площадку, переложил плеть из руки в руку, остановился – и тут выехал всадник Правой стороны. Люди глядят – а это старый монах странного вида, на голове [дурацкая] шапка, уголки её свисают, как собачьи уши. Одели его Правые в какое-то ветхое рубище, у пояса вместо меча сушеный лосось, кафтан сползает с одного плеча, штаны едва не сваливаются, под шапкой повязка, как у лицедея. А едет он на корове, заседланной простецким седлом. Кинтада при виде его в великом гневе воскликнул:

– Напрасно я вас послушался, выехал состязаться – и вижу такой позор!

И поехал прочь с ристалища (28–35).

Правые, видя замешательство Левых, начинают хохотать и издеваться, один из болельщиков пляшет, нацепив маску демона. Тут вмешивается сам канцлер, велит плясуна схватить, тот убегает, вскакивает на лошадь и мчится прочь, так и не сняв маску. «Ехал по городу, люди на улице ахали: глядите-ка! Демон среди дня скачет верхом! Дети пугались, глядя на него, думали: настоящий демон!». В этой истории даже самый изысканный светский ритуал оказывается бессилён против страсти, в данном случае – к состязаниям.

Плохой наездник тоже может порой поддаться страсти – самооправдания. В рассказе 28–6 уже немолодой Киёхара-но Мотосукэ (908–990), знаменитый книжник и поэт, во время праздника святилища Камо на виду у множества зрителей падает с лошади, теряет шапку, и все видят его лысину. Над ним смеются, а он в ответ произносит целую речь:

– Напрасно вы так! И вот почему. Даже рассудительный человек, ежели запнётся, спотыкается: обычное дело. Что уж и говорить о коне – у него-то разума быть не может! К тому же здесь на улице камни слишком выступают. А коня [конюший] тянул за узду, не давал идти, куда тому хочется, вот он и оступился, я и упал. А значит, ни я, ни конь, даже если споткнулся, не виноваты. Если конь запнулся о камень – что подделаешь? Да и китайское седло слишком плоское, усидеть невозможно. Вот я и упал, едва конь споткнулся. <...> А вы, нынешняя молодёжь, не знаете, что к чему, так и не смейтесь! Кто будет смеяться, над тем тоже посмеются!

Построение свитка 28-го примечательно: в нём есть рассказы на темы, которые в других свитках почти не встречаются, например, несколько историй о ядовитых или галлюциногенных грибах, от которых люди тоже «пьянеют». Но с ними чередуются примеры увлечений, уже не раз описанных в других свитках, в том числе и страсти к верховой езде. Тем самым общий вывод оказывается куда более весомым: речь идёт не об отдельных чудачествах, а о привязанностях, свойственных людям вообще.

Есть в «*Кондзяку*» и пример достойного поведения проигравшего всадника – в рассказе 23–26 герой благодаря самообладанию хоть и потерпел поражение, но в некотором смысле получил от него только выгоду:

В стародавние времена на ристалище Правой ближней стражи устроили скачки¹⁴, и первыми ехали Овари-но Канэтоки и Симоцукэ-но Ацуюки.

Канэтоки в скачках был необыкновенно искусен. Выдающийся человек, он ничуть не уступал людям старины. Но необъезженные кони были его слабым местом. Ацуюки же не имел ни малейшей неприязни к необъезженным коням. В скачках с хлыстом [*мутикурабэума*] он был необыкновенно искусен.

В тот день на скачках Ацуюки выехал на хорошо вышколенном коне. Канэтоки же выехал на знаменитом коне по кличке Мияги. Этот конь был дурной, хоть и очень быстрый, и Канэтоки совсем не подходил, но из каких-то соображений первым в тот день он выбрал именно Мияги.

Сделав три заезда, противники погнались друг с другом. И Мияги, как за ним обычно и водилось, стал так своевольничать, что всаднику, как бы он ни был искусен, оставалось только стараться не свалиться. Так Канэтоки и скакал, и гонку проиграл.

В скачках было много правил поведения – для пришедших вничью и для победителя. Но не было примеров, как должен себя вести проигравший всадник, и никто в этом ничего не понимал. А в тот день, увидев, как держится проигравший Канэтоки, множество людей поняли, что вот так-то и должно держаться, если проиграл. Как же он так сумел? Он так смотрелся, что люди думали: какая жалость!

<...> Канэтоки в тот день нарочно проиграл, по доброй воле, и люди в свете все его хвалили, – так передают этот рассказ.

Страсть к верховой езде бывает свойственна не только людям, но и, например, чудесным лисицам *кицунэ* (27–41): в обличье девушки лисица поджидает всадников у въезда в столицу, просит подвезти, а потом, заморочив их, исчезает. Её ловят стражники и жестоко наказывают, но отказаться от катанья верхом ей оказывается трудно.

Дорожный этикет

Человек на коне, кто бы он ни был, оказывается в прямом смысле выше прочих, пеших, быстрее и сильнее их. Так что сама по себе верховая езда – серьёзное испытание на сдержанность, даже если человек не пристрастен к ней сверх меры. Кому сдержаться не удаётся, тот попадает в беду: так, в рассказе 16–24 всадник решается молодецки проехать по дамбе высоко над морем, падает в воду вместе с конём, и только чудо Каннон спасает их обоих.

В нескольких рассказах сюжет строится вокруг принятых в хэйанской Японии правил дорожного этикета (ср. выше, 28–37). В частности, по этим правилам всаднику следует спешиться и поклониться, если навстречу ему идёт монах. Жрец святилища горы Фудзи (герой рассказа 17–11) никогда не делал этого, считая свой сан выше монашеского, хотя и был верным почитателем бодхисаттвы Дзидзо: (Кшитигарбхи)¹⁵. Однажды он, не сходя с

¹⁴ Время действия рассказа – 991 г.

¹⁵ Совместное почитание богов и будд в окрестностях горы Фудзи начало складываться ещё в VIII в. Важное место в обрядах Фудзи занимали подземные божества [Kimbrough (trans.), 2006]; возможно, поэтому жрец и почитает Дзидзо, Земное Чрево.

седла, заговорил на дороге с молодым монахом, а тот вдруг исчез; позже в вещем сне жрец узнал, что этот встречный был не кто иной как Дзидзо.

Знаменитый монах-книжник (рассказ 20–40) зимой едет верхом из столицы к себе в храм и замечает у обочины нищего:

– Холодно? – спрашивает монах.

– Совсем замёрз, ничего не чувю! – отвечает тот.

Монах думает: как же жаль его! Поспешил снять одно из своих одеяний и, не слезая с седла, бросил нищему.

– Вот, возьми, надень, – говорит.

Тут нищий вскочил на ноги, взял одеяние, что брошено было ему в лицо, скомкал и швырнул обратно, да так, что опять-таки угодил монаху прямо в лицо.

Странно! – думает монах. Спрашивает: ты что? А нищий говорит:

– Когда что-то подаёшь человеку, надо спешиться и подать учтиво. Когда бросаешь подачку, сидя верхом, кто ж её примет?

И исчез, будто растаял.

Монах горько раскаивается и всем ученикам потом велит: не обижайте нищих! Кем был этот встречный, в рассказе не говорится, но ситуация отсылает к преданию о царевиче Сётоку и нищем (ср. 11–1).

Ещё в одной истории (26–14) действуют недавно назначенный наместник края Митиноку (Муцу) и его подчинённый, который принимается «отдавать распоряжения обо всём, что касается лошадей», хотя его ещё не назначили главным конюшим края. (А назначение это обещает быть весьма выгодным, ведь в Митиноку разводят лучших коней всей Японии). Наместник по неизвестной причине терпеть не может этого подчинённого и по дороге устраивает так, чтобы его не пропустили через заставу. Позже подчинённый разбогатеет и расквитается с бывшим своим господином, задержав его на другой заставе. Рассказ подробно описывает формальности, связанные с проездом по японским дорогам эпохи Хэйан, и злоупотребления в этой области; о свитке 26-м см. [Бабкова, 2019].

Кони и «путь скотов»

Акутагава Рюноскэ (1892–1927) называл *«Кондзяку»* «человеческой комедией»: любые мотивы, звучащие здесь, так или иначе имеют отношение к человеку. О судьбе же коня как таковой речь заходит в связи с темой перерождений по закону воздаяния, и в частности, о «мире скотов» 畜生界, *Тикусё:кай*. Жизнь коня, как и любого другого животного, считается заведомо намного более тяжёлой, чем жизнь даже самого несчастливого человека. Кто мучает лошадей, слишком нагружает их и бьёт, тому при жизни воздаётся адскими муками (20–29, тот же сюжет, что в *«Нихон рё:ики»* 1–21).

Рассказчик *«Кондзяку»*, насколько мы знаем, нигде не даёт прямого ответа на вопрос, что нужно было натворить в прежних жизнях, чтобы родиться лошадью. Об этом говорят более поздние авторы, например, Мудзю: Итиэн (1226–1312), составитель *«Сясэкисю:»*, в другом своём сочинении: «Достойные монахи, если не имеют мудрости и не следуют по

Пути, непременно возрождаются хорошими конями»¹⁶. В «*Кондзяку*» можно проследить похожий взгляд. В рассказе 31–14 трое монахов странствуют по горам острова Сикоку и нечаянно забредают в иной мир. Тамошние жители двоих из них истязают и затем превращают в коней¹⁷; третьему удаётся сбежать. По словам рассказчика, «быть может, то был мир скотов», хотя обитатели его и выглядели как люди, пусть и страшные на вид, а один имел облик демона. Здесь герои сбились с дороги в буквальном смысле, самонадеянно путившись в путь по незнакомым местам; вероятно, рассказ можно понимать и как наглядную картину утраты буддийского Пути, ведь пострадавшие монахи не пытаются ни помочь друг другу, ни воззвать к буддам.

Возможно и обратное: конь возрождается человеком и вступает на Путь. В рассказе 14–24 усердный, но малоспособный монах изучает «Лотосовую сутру». Однажды он просит, чтобы гадатель предсказал ему судьбу по чертам лица. Тот, однако, говорит: «В прошлой жизни ты получил тело белого коня. И теперь из прошлого рождения унаследовал светлый цвет кожи. А ещё голос у тебя гулкий, похож на стук конских копыт. Всё это усвоено в прошлом рождении». Монах сомневается: «Если рассмотреть облик, прислушаться к голосу, можно предсказать, долго ли проживёшь, будешь ли богат. Но как можно узнать, кем кто был в прошлой жизни?! Ведь чтобы знать прежние рождения, надо быть буддой!». Чтобы выяснить правду, монах молит о помощи будд и получает откровение во сне: в самом деле, прежде он был белым конём, как-то раз вёз подвижника «Лотосовой сутры», и за эту заслугу стал человеком. В 14-м свитке «*Кондзяку*» эта история стоит в ряду других, где разные существа, ненадолго встретившись с подвижниками сутры, услышав хоть малую её часть, обретают лучшее рождение. Похожие истории о конях встречаются и в других японских текстах; например, в «*Сясэкисю*:» (II–10) знаменитый монах Какукай (1142–1223) узнаёт, что прежде был моллюском, и какой-то ребёнок прихватил его с собой, идя в храм. Слушая наставления Закона, моллюск затем рождался храмовым псом, быком, конём, слугой-фонарщиком, а в итоге смог стать монахом. Отметим, что в этом случае лошадиное рождение непосредственно предшествует человеческому.

Вероятно, причина этого коренится как раз в том, о чём говорится в рассказах о лошадиниках: люди так привязаны к коням, что берут их с собою всюду, а значит, дают им возможность услышать буддийские наставления, поучаствовать в милосердных делах, и даже не понимая того, накопить «заслуги» и возродиться людьми. Так страсти одних существ, губельные для них самих, идут на пользу другим – а значит, и те, кто этим страстям поддаётся, тоже обретают «заслуги», пусть и невольно. Эта всеобщая связь событий в мире в «*Кондзяку*» не просто описана, но и показана самим построением книги, переключкой мотивов в разных её частях. И получается, что путь всадника, как и любой из мирских путей, ведёт туда же, что и Путь Будды, что обыденная жизнь с её страстями и неудачами создаёт все надобные условия для освобождения.

¹⁶ В сочинении «Зерцало жён» («*Цума-кагами*», 1300 г.) [Сясэкисю 2017, 217]. У Мудзю: Итиэн герои сетуют: мало нынче стало достойных монахов, вот почему редко рождаются хорошие кони.

¹⁷ Зачем, не вполне понятно; в рассказе говорится, что коней собираются убить и зарыть на заливаемом поле, можно понимать это как кровавое жертвоприношение. В другой истории (26–8) люди пытаются обжиться в ином мире, и там нет домашних животных – «ни лошадей, ни коров, ни даже собак». Люди завозят туда щенков и жеребят («и те, и другие прижились и расплодись»); возможно, и в рассказе 31–14 подразумевается, что кони, хотя и относятся к «скотам», но живут только среди людей, а в иных мирах своих коней нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабкова М.В. О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 86–97.

Горбылёв А.М. Сердце коня – мое сердце // Япония: Путь кисти и меча. 2003. № 4. С. 36–46.

Собрание песка и камней («Сясэкисю», конец XIII в.). Перевод со старояпонского Н.Н. Трубниковой. М.; СПб.: ЦГИ, 2017.

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй : [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37 / под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюньити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999.

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисуто кэнсяку : [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы]. Под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (дата обращения: 09.06.2020).

Синтё: Кодзидан : [Беседы о делах старины с новыми комментариями]. Под ред. Асами Кадзухико, Ито: Тамами, Утида Миоко и др. Токио: Касама сёин, 2010.

Conlan T.D. State of War: the Violent Order of Forteen-century Japan. Center for Japanese Studies, The University of Michigan, 2003.

Friday K. Hired Swords: The Rise of Private Warrior Power in Early Japan. Stanford: Stanford University Press, 1992.

Japanese tales from times past: stories of fantasy and folklore from the Konjaku Monogatari Shu translated by Naoshi Koriyama and B. Allen, with a foreword by K. Thornber. North Clarendon, VT: Tuttle Publishing, 2015.

Kimbrough R.K. (trans.) The Tale of the Fuji Cave // Japanese Journal of Religious Studies. 2006. Vol. 33, no. 2. P. 1–22 (Online only).

Of Birds and Beasts, Fish and Fowl: Japanese Tales of Times Now Past. Trans. De Wolf, Ch., with Masayuki Furuse, Takatoshi Kuhara, Fuyuko Yamamoto, Kenji Yoshida. Tokyo: Babel Press, 2017.

REFERENCES

Asami, Kazuhiko, et al., eds. (2010). Shinchū Kojidan [Newly commented Tales about Old Matters], Tokyo: Kasama shoin. (In Japanese).

Babkova, Maya V. (2019). O ponyatii «vozdayaniye» v 26-m svitke «Sobraniya starodavnikh povestey» [The Meaning of the Notion *Hō* in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū*], *Voprosy Filosofii*, 1: 86–97. (In Russian).

Conlan, Thomas D. (2003). State of War: the Violent Order of Forteen-century Japan, The University of Michigan, Center for Japanese Studies.

De Wolf, Charles, et al., trans. (2017). Of Birds and Beasts, Fish and Fowl: Japanese Tales of Times Now Past, Tokyo: Babel Press.

Friday, Karl (1992). Hired Swords: The Rise of Private Warrior Power in Early Japan, Stanford: Stanford University Press.

Gorbylev. Aleksei M. (2003). Serdtse konya – moye serdtse [Heart of the Horse is my heart], *Yaponiya: Put' kisti I mecha*, 4: 36–46. (In Russian).

Kimbrough, R. Keller, trans. (2006) The Tale of the Fuji Cave, *Japanese Journal of Religious Studies*, 33/2: 1–22 (Online only).

Konjaku monogatari shū. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (accessed: 9 June 2020).

Konno, Tōru et al., eds. (1993–1999) Konjaku monogatari shū, SNKBT series, Vol. 33–37, Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Koriyama, Naoshi and Allen, Bruce, trans. (2015) Japanese tales from times past: stories of fantasy and folklore from the Konjaku Monogatari Shu, with a foreword by Karen Thornber, North Clarendon, VT: Tuttle Publishing.

Nakagawa, Satoshi, ed. (2014–2018) Konjaku monogatari shū, Digital edition, URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (accessed: 9 June 2020). (In Japanese).

Trubnikova, N.N., trans. (2017). Sobraniye peska i kamney [*Shasekishū*], Moscow, Saint Peterburg: TsGI. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.10.2020

Received 17 October 2020

Для цитирования: Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Кони Закона, всадники судьбы: мотив верховой езды в японской части «Собрания стародавних повестей» // Японские исследования. 2020. № 2. С. 46–62. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

For citation: Trubnikova N.N., Kolyada M.S. (2020). Koni Zakona, vsadniki sud'by: motiv verkhovoy ezdy v yaponskoy chasti "Sobraniya starodavnikh povestey" [Dharma Horses and Karma of Equestrian: Horseback Riding Motif in *Konjaku monogatari shū* (Honchō Part)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 46–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011